

О НАЗНАЧЕНИИ ЧЕЛОВѢКА И О ПУТЯХЪ ФИЛОСОФА

(Н. А. Бердяевъ. «О назначеніи человѣка». Опытъ парадоксальной этики.).

«И знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю въ тѣлѣ или безъ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать.. Такимъ человекомъ могу хвалиться; собою же не похваляюсь, развѣ только немощами мои». (II Кор. XII, 3-5)

«Прометей былъ, въ сущности своей, смиреннымъ. Онъ хотѣлъ только похитить огонь съ неба; онъ понималъ, что ему нельзя этотъ огонь творить».

(Изъ одного парадоксальнаго разговора)

Если бы въ этой книгѣ было меньше парадоксовъ, ее можно было бы не называть «опытомъ парадоксальной этики». Правда, «парадоксальная» этика — звучитъ болѣе солено въ нашъ культурно-прѣсный, любящій остроту, вѣкъ, но на этомъ пути лежитъ печать нѣкоей временности, почти публицистичности. Можетъ быть оттого, что парадоксъ самъ по себѣ не духовенъ (эсхатологически не этиченъ). Онъ есть лишь философская акциденція рационализма, бьющаяся въ своемъ кругу. Включающая въ себя, формально, эсхатологическій отдѣлъ и внутренне движущаяся этимъ отдѣломъ книга, въ общемъ, составляетъ впечатлѣніе скорѣе философско-публицистической, чѣмъ философско-мистической... И, какъ ни странно, наиболѣе публицистическими мѣстами, подчасъ, кажутся мѣста ея наиболѣе «мистическія» и наиболѣе мистическими — страницы, приближающіяся къ парадоксальной этикѣ... Въ этомъ можетъ быть, сказывается и не только формальная парадоксальность книги.

Какъ философское явленіе, книгу «О назначеніи человѣка» надо глубоко привѣтствовать. Не лишенная, къ сожалѣнію, часто

обычнаго для автора полемическаго, не всегда оправданнаго пагоса, книга построена на такъ же обычномъ для автора алканіи правды: онъ казнить весь этическій міръ человѣка во имя алканія подлинныхъ этическихъ цѣнностей. И жалко становится, что эта праведная казнь... сама, въ концѣ концовъ, должна стать на эшафотъ своего же этическаго закона, направленнаго противъ недобраго или недостаточнаго добраго добра.

Человѣкъ - творецъ въ силу непреложности образа и подобія Творца. Вотъ реально-этическая основа міросозерцанія Бердяева. И этотъ «человѣкъ-творецъ» становится и долженъ стать идеаломъ человѣка современной эпохи, въ коей — по мнѣнію автора — потускнѣли идеалы прежнихъ историческихъ эпохъ: святости, эллинскаго канона красоты, героичности, рыцарства... Не раскрытое въ человѣчествѣ Богочеловѣчество требуетъ раскрытія образа Божія — О б р а з а Т в о р ц а — въ этикѣ и жизни человѣка. И авторъ беретъ на себя эту задачу: выискать, опредѣлить и оправдать образъ Творца въ человѣкѣ. Задача трудная, и именно для Н. А. Бердяева, который умѣетъ столь творчески-правдиво разоблачить не только человѣческую жизнь, но и человѣческую этику, да еще въ свѣтѣ безпощаднаго закона парадоксальности.

Н. А. Бердяевъ апологетъ свободы, и потому мы будемъ свободно говорить о его книгѣ.

Тотъ эпиграфъ Гоголя, который онъ помѣстилъ во главѣ своей этики: «грусть оттого, что не видишь добра въ добрѣ», мы считаемъ цѣннымъ эпиграфомъ для отзыва и о его во-многомъ цѣнной, книгѣ о добрѣ.

Гоголь глубоко постигъ качество грусти христіанина въ мірѣ семъ. Конечно отъ этого онъ сжегъ результаты своего человѣчески - понимаемаго творчества. Бердяевъ проходитъ мимо этой трагедіи творчества въ «мірѣ семъ», а обнаруженіе ея помогло бы уяснить многое въ основной проблемѣ его парадоксальной книги.

Желая филосфски разсѣять гоголевскую грусть, Бердяевъ подчеркиваетъ ее, открывая во всей ея наготѣ трагичность этическаго бытія міра. Какъ бы до конца снимается маска съ лица міра прелюбодѣйнаго и грѣшнаго. Въ этомъ большая заслуга Бердяева, пошедшаго крестнымъ путемъ Начальника Жизни, обличавшаго ложное добро (фарисеевъ и книжниковъ) болѣе видимаго зла (мытарей и блудницъ). Разоблаченіе лицемѣрія, огненное устремленіе къ послѣдней правдивости — сіяніе этической чистоты. Но, конечно, нельзя забыть, что огонь этого устремленія можно взять лишь рукою метафизическаго (змѣино-мудраго) смиренія... Здѣсь опять трагическая парадоксальность книги, запечатлѣвшаяся въ нѣсколькихъ ея срывахъ. На пути правдивости философская этика должна

дойти до предѣловъ книги «о назначеніи человѣка» и не сомнѣнно перешагнуть ихъ, неся въ Божью безконечность свой крестъ «безумія и юродства» предъ «міромъ» — крестъ послѣдней мудрости предъ Богомъ Творцомъ.

Основной вопросъ этической системы «назначенія человѣка» — о творествѣ остается по существу не рѣшеннымъ у Бердяева, хотя и намѣченнымъ — хотѣлось бы сказать — вѣрно. Тупикъ вопроса этого въ томъ, что въ категоріяхъ христіанскаго разума «творецъ» не можетъ быть инымъ идеаломъ, чѣмъ «святой». Образъ и подобіе Божіи должны открыться Духомъ, въ отвѣтъ на творческую самоопредѣлительную свободу человѣка. Господь призываетъ творить добро и признаетъ великимъ лишь сотворившаго и — потомъ уже — научившаго (Матѳ. 5, 19). Это и есть святость, ни предѣла коей, ни какихъ-либо единыхъ формъ нѣтъ. Формъ столько, сколько лицъ человѣческихъ, и даже болѣе.

Поставивши проблему творчества, какъ человѣческаго назначенія, Н. А. Бердяеву надо было бы (соотвѣтственно-значительно) выявить ложную онтологію творчества. Это проблема какъ разъ его этики, но она далеко не достаточно раскрыта въ книгѣ, и читатель можетъ быть близокъ къ впечатлѣнію, что въ пониманіи творчества человѣка авторъ лишь косвенно отражаетъ апостольскій опытъ — опытъ двухтысячелѣтняго христіанства, творившагося въ духѣ и истинѣ. Наиболѣе значительная часть книги — о фантазмахъ, кромѣ остроты философскаго прогноза, еще и тѣмъ значительна, что является какъ разъ анализомъ ложной онтологіи творчества. Къ сожалѣнію, авторъ не захватываетъ наиболѣе широкой области фантазмагоріи: фантазмагорію философскаго творчества фантазмагорію лже-мудрости и лже-искусства человѣческаго, обоготворяющаго хаосъ падшаго космоса, являющагося соблазномъ *ложной культуры*, царствующей (вѣрнѣе — княжествующей) въ мірѣ.

Не нужная, и не отражающая дѣйствительности полемическая струйка, льющаяся въ книгѣ противъ нѣкоторыхъ свв. отцовъ *, можетъ дать невѣрное направленіе мысли читателя, хотя возможно, что «тактически» является и благопріятнымъ симптомомъ для круга нѣкоторыхъ лицъ, привѣтствующихъ не только «свободу въ Церкви», но и «свободу отъ Церкви». Весь опытъ Церкви стоитъ на молитвенномъ творествѣ («творить» молитву) и само «личное спасеніе», противъ котораго такъ

*) Трактатъ св. Мсѳодія Патарскаго «Пиръ десяти дѣвъ» жалокъ и баналенъ. «Трактатъ бл. Августина невозможно читать, такимъ духомъ мѣщанства отъ него разить» . . . (стр. 251)

считаетъ нужнымъ вооружаться авторъ, есть по существу (въ его подлинной, святоотеческой сути) нѣчто безконечно отличное отъ узко-эгоистическаго замыканія души въ свою самость. «Спасеніе мое» цѣликомъ (помимо всѣхъ творчествъ!) в нѣ меня — во Христѣ, а Христосъ — Спасеніе всѣхъ, Онъ Альфа и Омега жизни. Въ немъ надо «погубить душу свою», «свое» творчество... Погубить можно только то, что имѣешь... Невольно вспоминаются слова старца Нектарія Оптинскаго: «Богъ творить только изъ ничего... надо себя сотворить ничѣмъ, и Богъ будетъ изъ тебя творить. Пресвятая Богородица болѣе другихъ сотворила Себя «ничѣмъ», и болѣе всѣхъ вознесена Богомъ». Младенческая простота и мудрость этихъ словъ, могутъ ли быть эпиграфомъ какой нибудь философской книги о творческомъ назначеніи человѣка? Вопросъ существенный для пути философіи. Старецъ Нектарій, какъ и говорившій объ этомъ же митрополитъ Филаретъ, тоже вѣдаютъ меоническую свободу человѣка, но какъ «младенцы о Христѣ» протягиваютъ ее Отцу для творчества второго творенія — второго рожденія

Примѣчательно, что своей идеей «творчества», полемически противопоставленнаго «личному спасенію», Бердяевъ (невидимо для себя) столкнулся съ фактомъ творчества Иисусовой молитвы: «Господи Іисусе Христе, помилуй меня грѣшнаго.» Эта духоносная (обильная неисчислимыми плодами) молитва, весь смыслъ свой полагающая не въ личности творящаго ее, а въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, представляетъ наглядный примѣръ «неэгоистическаго эгоизма» христіанскаго, какъ любви «всѣмъ сердцемъ», какъ распятія во Христѣ человѣческой личности. Бердяевъ самъ не можетъ не утверждать этого: «Нужно любить ближняго, какъ самого себя: значить нужно и самого себя любить, почитать въ себѣ образъ Божій. Эта любовь противоположна эгоизму и эгоцентризму, т. е. помѣшательству, ставящему себя въ центрѣ вселенной». (стр. 140). И потому фантастическими кажутся его слова о томъ, что «творить невозможно при одномъ непрестанномъ чувствѣ грѣховности и при одномъ смиреніи» (стр. 140). Чувство грѣховности всегда «непрестанно» и должно, какъ воздухъ, проникать во всѣ поры человѣческаго творчества, составить атмосферу земной человѣческой жизни подъ Благодатію. (Это г л у б о ч а й ш и м ъ о б р а з о м ъ выражено Церковью въ покаянной молитвѣ пятидесятаго псалма, читаемаго священникомъ при кажденіи алтаря во время херувимской пѣсни, образующей ангельское состояніе

1) «Я просто не хочу имѣть никакого спасенія въ себѣ самомъ. Потому и пришелъ я къ Христу, что созналъ неимѣніе ничего спасительнаго въ себѣ» (мысль всякаго христіанина).

молящихся). Далѣе, смиреніе подлинное—развѣ можетъ остаться «одно»? Не является ли смиреніемъ всякій трудъ, всякое дѣло, всякое истинное служеніе христіанина?.. «Внутри христіанскаго міра — говорить далѣе Бердяевъ — противоборствуютъ двѣ моральныя направленности: смиреніе и творчество, мораль личнаго спасенія и страха гибели и творческая мораль цѣнностей, мораль отданія себя преобразованію и преображенію міра» (стр. 145). Искусственность этой схемы — такимъ образомъ выраженной — несомнѣнна. Безъ соли духовнаго истиннаго смиренія невозможно и к а к о е х р и с т і а н с к о е т в о р ч е с т в о . Христіанское творчество, не осоленное смиреніемъ, это — *contradictio in adjecto*.

Преображеніе же міра — по слову Божію — есть дѣяніе Славы Божіей, а отнюдь не падшаго, изгнааннаго изъ рая человѣка, не могущаго безъ Славы Божіей преобразить, ни преобразовать даже самого себя. И, конечно, — ни единой песчинки въ мірѣ! «Безъ Меня не можете творить ничего», — *Заранѣе сдѣланная божественная поправка ко всплмъ импюцимъ произнестись въ исторіи человѣческимъ словамъ о творчествѣ.*

Если Бердяевъ возстаетъ противъ лже-смиренія, лже-пониманія глубинъ грѣховности, то это необходимо выразить гораздо яснѣе. Ибо лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ его новая моральная концепція творчества будетъ — для христіанъ — соответствовать извѣчной евангельской истинѣ и войдетъ въ сокровищницу познанія Церкви.

Вопросъ о назначеніи человѣка еще глубже, чѣмъ его ставитъ Н. А. Бердяевъ. И не скрываются ли въ его альтруистическомъ бореніи, противъ своего «личнаго спасенія», элементы не-творческаго упрощенія проблемы личности человѣческой, высоко возвышающейся надъ эгоизмомъ человѣческимъ во всѣхъ проявленіяхъ своего духа. Бердяевъ здѣсь явно не учитываетъ преобращенія «личнаго сознанія» — этого центральнаго момента христіанской аскезы Благодати. Мы знаемъ три ступени въ приближеніи къ Богу: рабская, наемническая и сыновняя. Но на сыновней ступени (моментами, извѣстной жизни cadaго христіанина) теряется всякое ощущеніе между рабствомъ Богу, наемнической службой Ему и преданностью сыновней. Ибо по отношенію къ Пресвятой Троицѣ всѣ живыя, молитвенныя чувства человѣка безконечно святы и высоки и не поддаются никакимъ мѣркамъ человѣческихъ отношеній. По отношенію къ Святѣйшему Святыхъ — слову Божію всѣ три чувства человѣческихъ ступеней сливаются, преображенныя въ одно царство Божіе, приходящее въ «силѣ» (Мр. 9, 1) и заливающее внутренняго человѣка. Смерть благоразумнаго разбойника тому примѣръ.

Не можемъ не утверждать, что человѣку надо всецѣло потерять, распять, испепелить свое мнимое, свое интеллектуальное безкорыстіе, когда начинаетъ казаться человѣку будто онъ выше «корыстныхъ» евангельскихъ понятій о наградахъ и наказаніяхъ. Не можемъ не утверждать, что человѣкъ никогда не перерастаетъ на землѣ понятій, данныхъ въ Евангеліи. По мѣрѣ пріятія Духа, понятія эти преображаются, но никогда не перерастаетъ ихъ человѣкъ. И потому соблазняться евангельскими образами расцѣпчивости или считать ихъ принадлежащими низшему, экзотерическому кругу, — это не понимать глубинъ Евангелія. Можно безошибочно сказать что въ словахъ духовной корысти (о «покупкѣ» Благодати), проповѣданныхъ препод. Серафимомъ Мотовилову, гораздо больше сыновняго безкорыстія, чѣмъ во многихъ отвлеченныхъ трактатахъ, говорящихъ о высокихъ чувствахъ безкорыстной любви къ Богу. Категорія земныхъ «высотъ» и благородствъ не примѣнима къ высотѣ и благородству евангельскому. Надо этически-эсхатологически распять свой міръ душевной гносеологии, провести и въ философіи принципъ: «Дай кровь и пріими Духъ».

Словно боится Бердяевъ быть «безумнымъ» въ очахъ чистой философіи міра сего и слишкомъ трудно преодолеваетъ дурную безконечность опустошенно-логическаго гносеологизма. Найденный выходъ «парадоксальности» (удвоенный эсхатологичностью) конечно, даетъ автору нѣкій мандатъ на благовѣстіе Истины Христовой въ предѣлахъ новонайденной почвы, но и заключаетъ автора въ этихъ *предѣлахъ*. Парадоксальность же, какъ гносеологическое орудіе, имѣетъ несомнѣнно два конца: остроту эсхатологичности и тупикъ рационализма.

Трагизмъ этики Н. А. Бердяева исходитъ изъ слишкомъ «все же» большой близости (не свободно-арбитражной, подчиненно-кровной) къ ложнотворческимъ проявленіямъ и достиженіямъ міровой философской мысли, подлежащей болѣе определенному суду евангельской истины. «Какъ ни интересно все, что говоритъ Ницше, истина заключается въ прямо противоположномъ» (стр. 123) — вотъ образецъ ложно-великодушной, «двойственной философѣи», притупляющей (апокалиптически-охлаждающей) свою истину.

Мы совсѣмъ не хотѣли бы ставить передъ авторомъ задачъ формально-философскаго самоубійства. Закваскѣ не надо выходить изъ тѣста. Но было бы утѣшительно увидѣть въ творчествѣ Н. А. Бердяева еще болѣе независимую линію. Болѣе независимую отъ философіи, чѣмъ отъ Церкви. Линію меньшей зависимости отъ дурно-безконечной, ложно культурной оригинальности, столь смѣшиваемой въ культурѣ міра съ идеей творчества.

Если бы Н. А. Бердяевъ не боялся зависимости отъ «теологiи» *), не боялся бы быть даже слугою ея въ самомъ чистомъ значенiи этого слова, т. е. пресѣкъ бы традицію псевдо-свободной филоссофiи: быть въ феербаховской оппозиціи къ теологiи, — онъ могъ бы назвать свою книгу: «опытомъ духовной этики», ибо его книга преодолеваетъ «душевную» сферу филоссофiи и идетъ по духовной сферѣ профетическихъ утвержденiй, укорененныхъ въ вѣрѣ Христовой, спасающей Духомъ и философію и этику отъ сѣрости самодовольной добродѣтели. Центръ и значеніе книги въ филоссофскомъ свидѣтельствѣ (понимаемъ это слово первохристіански) о Христѣ, о Словѣ - Смыслѣ, сотворившемъ міръ — Альфѣ и Омегѣ бытія.

Совсѣмъ напрасно авторъ нападаетъ на «ортодоксальную теологію», чтобы удержаться въ своей философской свободѣ. Ортодоксальная теологія въ лицѣ хотя бы трехъ ея столповъ, названныхъ Церковью ея представителями въ этой области, т. е. свв. Іоанна Богослова, Григорiя Богослова и Симеона Новаго Богослова, — не очень уже противорѣчитъ всѣмъ творческимъ утвержденiямъ его... А въ чемъ противорѣчитъ, тамъ она намъ кажется болѣе права, чѣмъ Н. А. Бердяевъ.

Бердяевъ говоритъ: «Филоссофія приходитъ къ результатамъ познанiя изъ самаго познавательнаго процесса, она не терпитъ навязыванiя извнѣ результатовъ познанiя, которое терпитъ теологія» (стр. 6). Гдѣ и какъ терпитъ теологія «навязываніе и з в н ѣ» (?) результатовъ познанiя? И, если счастье навязыванiемъ воспріятіе откровенныхъ истинъ (какъ это имѣло мѣсто у перечисленныхъ выше столповъ церковной теологiи) то неужели филоссофія не терпитъ этого процесса пріобщенiя къ дѣйствительному познанію? Конечно, терпитъ — и вся исторiя филоссофiи тому свидѣтельство — но различіе существенное лежитъ межъ двумя дисциплинами: подлинное теологическое познаніе связывается дѣтскою простотою вѣры и любви ко Спасителю-Логосу, филоссофское же, мнимо-свободное познаніе всегда находится въ полженiи змѣи, пожирающей свой хвостъ, т. е. вращается въ атмосферѣ неочищеннаго благодатiю ума и не освобожденнаго отъ дебелости плотскихъ тумановъ сердца. Преп. Исаакъ Сиринъ, пошедшій путемъ вѣры и благодатныхъ откровенiй, очень вы-

*) Трудно опредѣлить, что, собственно, Бердяевъ понимаетъ подъ «теологическимъ мировоззрѣніемъ», о которомъ онъ говоритъ, что оно «совпадаетъ съ натуралистическимъ эволюціонизмомъ» (стр. 37) въ «отрицанiи творчества». Напр. православный никейскій символъ вѣры, являющійся экстрактомъ теологическаго мировоззрѣнiя, — въ чемъ онъ «совпадаетъ съ натуралистическимъ мировоззрѣніемъ»?

разительно говорить объ этомъ состояніи «внѣшнихъ философовъ» *), дѣля тѣмъ самымъ философію на «внѣшнюю» (по отношенію къ Церкви Христовой, конечно, по смыслу: I Кор. 5, 13) и на другую «внутреннюю» философію, воспринятую имъ самимъ, какъ служеніе Духу.

Но, въ сущности, всегда правильнѣе говорить не о томъ, что «философія приходитъ» или «теологія терпитъ» какое-либо построеніе, но что человекъ приходитъ, человекъ терпитъ, ибо фактически, въ земномъ порядкѣ обѣихъ дисциплинъ, одинаково могутъ быть и благодатно-познающіе истину вѣчнаго Откровенія и мудрствующіе въ границахъ плотскаго (иногда очень тонкаго) ума.

Самыми блестящими страницами книги слѣдуетъ признать первыя главы отдѣла «конкретные вопросы этики». Думается, что удача Бердяева въ этомъ отношеніи будетъ отъ него въ дальнѣйшемъ требовать творчества въ направленіи эсхатологическо-практической этики (или «этики пракческаго творчества»). Книга его, въ общемъ, мало доступна среднему читателю мыслительныхъ книгъ, а вопросы творческой этики — вопросы именно читателя, а не академіи. Этическая философія должна перерости академичность своей мудрости. Въ этомъ было бы наиболѣе реальное ея культурное завоеваніе и оправданіе. (Конечно это также путь не мірской, не «философской» теологіи).

Разочаровываетъ эсхатологическій отдѣлъ. Самое введеніе его въ этику — мудрое творчество автора, но трактовка вопроса реально не сдвигаетъ его со своего эсхатологическаго мѣста. «Оправдать» адъ Бердяеву совершенно не удалось... даже въ отрицаніяхъ его. И, да проститъ намъ авторъ, здѣсь съ удивительной ясностью раскрылось слово Божіе о «посрамленіи мудрости мудрецовъ» и отверженіи «разума разумныхъ». Разумъ, даже оплодотворенный Логосомъ, даже профетическо-христіанскій уперся въ тупикъ и бьется, какъ раненая въ сердце птица. Вѣрнѣе, какъ Икаръ, упадетъ разумъ, растопивъ свои крылья у огня Премудрости Божіей, черезъ положенную черту которой ему не дано переступить. И — не скроемъ — радостно созерцать, какъ бьется мудрость мудреца въ тенетахъ дѣтской простоты Откровенія, не въ силахъ летѣть выше... туда, куда уже влечетъ Самъ Духъ тѣхъ, кто распялъ въ себѣ не только ветхую этику,

*) «Умъ имѣетъ созерцаніе для созерцанія себя сѣмого. Въ немъ то внѣшніе философы и вознеслись своимъ умомъ и:и представленіи твари».

но и всю парадоксальность этики новой. «Основной признакъ философіи духа тотъ, что въ ней нѣтъ объекта познанія»... (стр. 9), говоритъ авторъ, соединяя этимъ философію и жизнь. Остается вопросъ о способахъ осуществленія этого соединенія, какъ творческаго акта дѣйствительнаго познанія. Подлинная трудность осуществленія этой связи ощущается въ объективированіи Живого Бога въ самой книгѣ о назначеніи человѣка. Это объективированіе не можетъ остаться во всякой такъ называемой «философіи духа», которая будетъ одновременно упираться и на остріе эсхатологичности и въ тупикъ парадоксальнаго ratio.

Подлинная философія духа — и въ этомъ ея основное отличие отъ недуховной философіи — должна содержать въ себѣ *молитву*, какъ атмосферу своего познанія. Большая ошибка считать Духъ выражаемымъ отвлеченно. Нельзя духовно говорить «о Духѣ», можно лишь говорить «Духомъ». Духъ не поддается объективизаціи, и въ этомъ подлинное достиженіе философское — дойти до этого сознанія. Но это сознаніе должно быть и перейдено. Нѣтъ иного способа осуществленія гносеологическаго познанія Духа, какъ лишь черезъ *молитву*. Молитва, какъ всякое подлинное дѣло жизни, овитое духомъ молитвы, носить въ себѣ иной міръ — тотъ міръ, котораго не знаетъ «культурная философія» или *о которомъ* она только знаетъ. Подлинное томленіе разума именно въ томъ, что онъ, доходя до познанія своей недостаточности и, приѣмля знаніе «о Богѣ», остается незнающимъ Бога, не преображеннымъ въ Духъ, хотя и принявшимъ (отвлеченно) «примать Духа».

Философія, преступившая этотъ предѣлъ, становится «молитвой разума», теряетъ методъ холодной объективизаціи Господа (присущей, несомнѣнно, нѣмецкой мистикѣ, какъ отчасти и Н. А. Бердяеву), соединяется съ сердцемъ-духомъ, выходитъ на сыновній, крестный путь «отверженій», дѣлается менѣе «широко-терпима» къ возстаніямъ противъ воли Отца — не по нелюбви къ возставшимъ, но по любви къ Истинѣ Кроткаго Божьяго Беззащитнаго здѣсь отъ нападеній людскихъ Духа. «Философія духа» можетъ быть только такой.

Ибо самый серіозный вопросъ этой философіи — вопросъ: *какого духа?* — благодатнаго, соединившагося со Святымъ Духомъ или — пустого отъ Благодати, оккультнаго холоднаго духа, — тоже духа, такъ же могущаго быть освобожденнымъ отъ матеріи, но оставленнымъ, оставшимся безъ соединенія съ Живымъ Богомъ.

Бердяевская философія не болѣетъ этимъ — истинно творческимъ для всякаго духовнаго познанія вопросомъ. Духъ человѣка, не оплодотворенный Святымъ Духомъ, представляетъ

собой большую познавательную опасность, чѣмъ плоть. Весь соблазнъ оккультныхъ теософскихъ и антропософскихъ системъ состоитъ въ этомъ. Слѣды этого же видны и въ творествѣ Бердяева. Понимая, конечно, всю ложь оккультной антропософiи и теософiи, Бердяевъ еще недостаточно отдалъ свое творчество Живому Богу-Отцу, недостаточно усыновилъ его Единому Учителю Иисусу Христу. И потому холодный огонекъ «автономнаго» человѣческаго духа еще пробѣгаетъ по страницамъ его творчества — творчества, идеологически нашедшаго вѣрный путь, но не имѣющаго еще вѣры слѣдовать имъ до конца.

Подъ «творчествомъ молитвы» мы не разумѣемъ одной элевациі... Паскаль, столь же сколь и Францискъ Ассизскій, былъ на Западѣ творцомъ «молитвеннаго творчества». (Изъ западныхъ современниковъ — Эрнестъ Элло, Леонъ Блуа... Беремъ имена для бѣглаго примѣра). Религіозная мысль Востока, преимущественно, этого типа.

Молитва православія — мученическаго евангельскаго православія — можетъ идти, конечно, обоими путями въ мірѣ: путемъ молчанія и путемъ творчества. Н. А. Бердяевъ будетъ принадлежать второму пути Церковной культуры, если онъ не отгородится мнимой свободой мнимаго творчества отъ всячески страждущаго въ мірѣ Тѣла Христовой Церкви, воинствующей съ духомъ міра и торжествующей познаніемъ Бога.

Ученіе книги «о назначеніи человѣка» о томъ, что человѣческая свобода исходитъ только «наполовину» отъ Бога, а другой половиной исходитъ изъ меоническаго «ничто» (изъ котораго сотворенъ человѣкъ), не есть ли попытка отгородиться своимъ творчествомъ — своей свободой — отъ Творца, лишь въ К о е м ъ Е д и н о м ъ обрѣтаетъ, истинно, человѣкъ свою свободу? Развѣ «образъ и подобіе» человѣка восходятъ одновременно къ Творцу и къ «меоническому ничто»? Не есть ли это ученіе о двухъ образахъ и подобіяхъ въ человѣкѣ, одновременно даровавшихъ человѣку свободу? Если подлинно одинъ образъ и одно подобіе въ человѣкѣ, то не можетъ быть двойственности источника свободы. Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, утверждать то меоническое ничто, къ которому тянется иногда человѣкъ, отходящій отъ Бога, какъ источникъ н е - с в о б о д ы ? Драгоценнѣйшее и неповторимѣйшее слово «свобода» — можетъ ли уйти для человѣка изъ Объятій Отчихъ?.. Намъ кажется, что ища второй «рукавъ» своей свободы, внѣ лона Отчаго, Бердяевъ теряетъ ощущеніе Богосыновства, — того, что онъ самъ такъ трепетно ищетъ въ человѣкѣ. Немыслимо уйти человѣку изъ лона Отчаго, не найдя з д ѣ с ь полноту своей — именно не отвлеченной, именно не діалектической, но — сыновней свободы.

Сыновне погубить въ лонѣ Творца всѣ признаки своей автономно-меонической свободы, чтобы обрѣсти ее во вселенной творенія, здѣсь вся евангельская истина объ Отцѣ Небесномъ, о любви къ Нему неисповѣдимой и о нахожденіи своей жизни черезъ погубленіе ея въ Немъ. *Полу-отдача* себя Богу, *полу-оставленіе* себя въ пустотѣ ничто, — уничтожающая человѣка философія, которую разрушилъ въ мірѣ Сынъ Божій. Это философія любви къ Богу только отъ половины разума своего, отъ половины крѣпости и отъ половины сердца.

Господь-Творецъ погубилъ всю неопиcуемость Божества Своего и Творчества на Крестѣ смертномъ передъ глазами человѣческими, а человѣкъ не можетъ погубить (безъ всякихъ остатковъ!) свободу своего меоническаго ничтожества передъ Богомъ?!.. Что могло быть позволено нѣмецкому мистикѣ, вышедшему изъ протестантскаго апофатизма, то горько въ устахъ православно-апостольской философіи духа.

Невѣрными и недостойными благодатнаго духа кажутся въ книгѣ мысли Бердяева о «библейскомъ пониманіи Бога». Вотъ что говоритъ онъ — съ несомнѣннымъ чувствомъ справедливости въ своихъ намѣреніяхъ, но вполне не по существу: «Можно ли сказать, что Богу не присуща никакая душевная жизнь, никакія аффективныя и эмоціональныя состоянія? Статическое пониманіе Бога, какъ чистаго акта, не имѣющаго въ себѣ потенцій, самодовольнаго, ни въ чемъ не нуждающагося есть философско-аристотелевское, а не библейское пониманіе Бога. Богъ Библии, Богъ Откровенія совсѣмъ не есть чистый актъ, въ немъ раскрывается аффективная и эмоціональная жизнь, драматизмъ всякой жизни, внутреннее движеніе, но раскрывается экзотерически. И поразительна ограниченность человѣческой точки зрѣнія на Бога (не всякой ли отвлеченной? — добавимъ. . . I.) Богу боятся приписать внутренній трагизмъ, свойственный всякой жизни, тоску по своему другому, по рожденію человѣка, но нисколько не боятся приписать гнѣвъ, ревность, месть и пр. аффективныя состоянія, которыя считаются предосудительными для человѣка. Существуетъ глубокая пропасть между пониманіемъ человѣческаго совершенства и Божьяго совершенства. Самодовольство, самодостаточность, каменная бездвижность, гордость, требованіе непрерывнаго себѣ подчиненія — все свойства, которыя христіанская вѣра считаетъ порочными, но Богу ихъ спокойно приписываетъ» (Подчеркнуто нами. I. I.) (стр.32)... Цитируя эти мысли Н. А. Бердяева, мы изумлены ихъ легкомысленностью, столь несвойственной автору. Когда и гдѣ, и какая «христіанская вѣра» могла говорить подобныя вещи? Мириться съ грѣховностью

Божества, съ человѣческой эмоціональностью Его — это дѣло сумеречнаго политеизма, который, конечно, можетъ своеобразно возродиться въ томъ или иномъ псевдо-вѣрующемъ христіанинѣ, но за который немислимо дѣлать отвѣтственной «христіанскую вѣру». Церковь понимаетъ аффекты Божьихъ дѣйствій въ мірѣ (о коихъ повѣствуетъ Библия) отнюдь не эмоціонально, не своеобразно человѣку, но сублимационно. Дѣйствіе сублимации производитъ благодатный «страхъ Божій» — высочайшее благоговѣніе — предъ Творцомъ, пронизывающе всѣ человѣческія (необходимыя для человѣка) понятія о Немъ. Языкъ аффектныхъ понятій — младенческой языкъ земли, который преодолевается лишь «страхомъ» («ужасомъ», по Бердяеву) сублимирующимъ содержаніе каждаго человѣческаго понятія, обращеннаго къ Богу.

Въ Церкви не можетъ даже и возникнуть вопроса о пониманіи Бога, «какъ чистаго акта» или какъ «статики». Если своего земнаго отца нельзя разсматривать, какъ «чистый актъ» или какъ «статикку» (это было бы выраженіемъ, можетъ быть философской любви, но не человѣческой), такъ тѣмъ болѣе о Небесномъ Отцѣ Живомъ нельзя говорить въ категоріяхъ мертваго объективизма.

Безконечны духовныя постиженія близости Господа, но всѣ они — внѣ категорій, внѣ «философій» даже. Конечно, и тѣ, которыя закрѣплялись въ богословскихъ апофатическихъ и катафатическихъ выраженіяхъ. Символь св. Григорія Чудотворца — лучшей отвѣтъ Н. А. Бердяеву, какъ «христіанская вѣра» понимаетъ Живого Бога, Котораго гораздо больше любить, чѣмъ понимаетъ, гораздо больше исповѣдуетъ, чѣмъ опредѣляетъ. И у подвижниковъ вѣры церковной, какъ и у подвижниковъ церковной мысли выражено Богопознаніе, какъ молчаніе чувствъ и дѣйствіе Духа.

Не во всей существенности Бердяевъ воспринимаетъ самъ и смыслъ священства Церкви. Священство-апостольство не только символическій знакъ, но и сила реальная, независимо отъ того, пользуется или не пользуется этой силой кто-либо (или даже самъ священникъ). Священство — посредничество любви, посредничество тайнъ, талантъ особой власти, вручаемой грѣшному человѣку. Онъ есть талантъ подлиннаго и высокаго творчества, по вѣрѣ Церкви, и именно Н. А. Бердяеву, въ связи съ его системой эсхатологической этики, легче всего было бы воспринять священство, не какъ символику, даже «реальную», но какъ реальность. Однако, онъ видитъ два міра: міръ символическій и міръ реальности, и священство относитъ къ первому міру, противопоставляя ему святость, какъ чиновничеству государства —

государственный героизмъ. Но в л а с т ь не символъ , а реальность. Реальность власти можетъ обезцвѣтиться до символизма (можетъ быть этимъ процесомъ соблазняется Бердяевъ), но тогда это будетъ возстаніе противъ реальности. Какъ Причастіе можетъ быть принято безъ вѣры , но оно отъ этого не обратится снова въ хлѣбъ, но останется Тѣломъ, и вкушающій безъ вѣры вкусить судъ. «Святого» и «священника» нельзя смѣшивать, но уже никогда нельзя противопоставлять. Нельзя противопоставлять «небо» и «день», но сочетаться эти понятія могутъ. Здѣсь нѣтъ элементовъ противоположенія. Священство, при грѣховности священника, но при вѣрѣ его въ даръ свой, или по вѣрѣ другого, можетъ быть большей реальностью святости, большимъ освященіемъ земли, чѣмъ неукорененная въ порядкѣ міра, т. е. не имѣющая дара освященія земли святость. До Суда, до «видѣнія», въ земной лишь атмосферѣ вѣры, въ коей мы всѣ живемъ, невозможно проводить окончательной границы между символической и реальной святостью. Священство же, имѣя въ себѣ реальную символику, конечно въ сознаніи православной вѣры является болѣе твердой и гносеологически ясной реальностью, чѣмъ святость.

Духъ нѣкотораго неразличенія явствененъ и въ полемикѣ Бердяева противъ «страха» вообще, какъ этического матеріала. Здѣсь авторъ является глазамъ читателя какъ бы захваченнымъ фантазмагорической стихіей, которую онъ самъ, столь творчески обличилъ въ своей же книгѣ. Категорія страха цѣликомъ дѣлается примѣнима къ нему же самому, ибо онъ высказываетъ страхъ предъ страхомъ (...такой же, какъ и передъ «личнымъ спасеніемъ»).

Въ томъ и тайна духовной этики, что не всякій страхъ противорѣчитъ любви. Благовѣніе любви — страхъ, но ангельскій, Божій. И потому онъ — «начало Премудрости» — по слову Премудраго. Не плотской, бѣсовскій, безблагодатный, но сыновній, духовный, который есть творческая атмосфера Благодати, по свидѣтельству всѣхъ тѣхъ, кои имѣли совершенную любовь. «Въ какомъ страхѣ и трепетѣ пребываютъ христіане?» спрашиваетъ преп. Макарій Египетскій, и отвѣчаетъ: «Чтобы не поползнуться въ чемъ-нибудь, но пребывать въ согласіи съ Благодатью» (Бесѣда 27).

Тотъ, который хотѣлъ быть отлученъ отъ Христа за братьевъ, котораго никакіе ангелы не могли отлучить отъ любви Христовой, онъ до конца дней страшился самого себя, сознавалъ, что течетъ измѣнчиво-творческимъ подрищемъ жизни и силу безстрашія полагалъ лишь въ живущемъ въ немъ Христѣ.

Противоположеніе «рабьяго страха» — «мистическому ужа-

су» нѣсколько искусственно. Оно цѣнно можетъ быть для дидактическихъ разсужденій. Но лучше не мѣнять духовной терминологіи, сложившейся тысячелѣтіями, въ словѣ Божьемъ укорененной, и все равно понятной лишь тому, кто самъ идетъ къ духу.

Отрывъ отъ своего же эсхатологическаго воспріятія реальности у Н. А. Бердяева и въ пониманіи «закона», какъ нормы. Бердяевъ титанически борется съ закономъ, какъ нормой. Но эта борьба аналогична борьбѣ съ Богомъ тѣхъ атеистовъ, которые не съ Живымъ Богомъ борются (ибо они Его не знаютъ), но со своей фикціей о Богѣ И. Н. А. Бердяевъ борется со своей фикціей о Законѣ, съ своимъ закономъ о законѣ. Но «законъ» — понятіе гораздо болѣе духовное и эсхатологическое, чѣмъ то кажется чистому или практическому разуму. Законъ — Тайна Бытія, а совсѣмъ не «норма». Норма, это отраженіе — всегда слабое — закона. Законничество есть неповиновеніе закону, худшее, чѣмъ беззаконіе. Законничество, это лищеніе Закона Духа. И въ это законничество, только «съ другой стороны», впадаетъ всякій борящійся съ законничествомъ черезъ умаленіе духа и тайны Закона.

Законъ евангельскаго духа, законъ небесной жизни, конечно, цѣликомъ вложенъ былъ въ Ветхій Завѣтъ, только не раскрытъ, икономически. Не нарушить законъ прищель Господь... И намъ нельзя нарушать его, отождествляя съ нормой. Царство Божіе — Небесный Іерусалимъ — есть новое раскрытіе того же Единаго Творческаго Закона, который не имѣетъ иной нормы, кромѣ: «будьте совершенны, какъ Отецъ ващъ Небесный совершененъ есть». Законъ — безконечная святость Бытія въ Богѣ, отъ котораго ни іота не можетъ отпасть.

Этотъ Божественный Законъ, трудно постигаемый мудростью, но лишь довѣріемъ любви къ Законодателю, соблазнительный для іудеевъ-законниковъ и являющійся безуміемъ для эллиновъ-мудрецовъ, — этотъ Законъ открылъ міру — какъ откровеніе Истины — тайну двухъ путей человѣческой свободы: широкаго и узкаго. Черезъ все Евангеліе проходитъ эта недомыслимая тайна, постижимая лишь черезъ всежизгающую любовь къ Богу. Это Божье пророчество объ Истинѣ Жизни и Смерти, о пшеницѣ и плевелахъ — есть такой же Крестъ, какъ все Евангеліе, и, помимо возвѣщенія реальности, служитъ мѣрою вѣры-довѣрія человѣка къ Богу и погубленія своего ветхаго добра, — того самаго недобраго добра, той самой мало-справедливой справедливости, на которыя праведно возсталъ Н. А. Бердяевъ, не дошедшій только до конца своей эсхатологической этики, обернувшійся назадъ, — взглянуть на свое горящее

старое философское отечество, и... остановившись, въ созерцаніи оставленнаго.

Ветхій разумъ («кичашій», какъ мудро говорили свв. отцы) не пріемлетъ тайны, одной изъ самыхъ великихъ: тайны сыновняго свободнаго послушанія «угонзанія въ Сигорь» (см. Великій Канонъ св. Андрея Критскаго), изъ горящихъ городовъ. Онъ не имѣетъ силъ (евангельской любви!) возненавидѣть «отца и мать» — свои ветхо-этическія категоріи: разстаться съ философией своей «доброты», съ культурой своей «справедливости».

Признать ничтожество своихъ этическихъ оцѣнокъ или хотя бы понять ихъ относительность для надмірнаго Бытія, современному законническо-культурному сознанію человѣка столь же трудно, сколь древнему законническому сознанію іудеевъ было; принять своимъ Богомъ — Страдающаго на Крестѣ Человѣка, лишеннаго общественно-принятой этической нормы. То былъ соблазнъ, и это есть соблазнъ ложной культуры, — не сыновней, не знающей Отца.

«Соблазнъ адомъ» есть соблазнъ ветхой этики, той «добррой» этики, которую творчески образумилъ Н. А. Бердяевъ, но изъ которой онъ самъ до конца не вышелъ *). Какъ на рубежѣ ветхой и новой эры человѣчества — двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ — человѣкъ - законникъ хотѣлъ ограничить Бога нормой высоты и отдаленности отъ земли, такъ и теперь человѣкъ, соблазненный закономъ ложной культуры, хочетъ ограничить Бога нормой этики своего меонически-нравственнаго масштаба.

Невозможно принять того, что адъ есть «проблема». Это данность, если и испытываемая, то только какъ данность. Данность эта аналогична данности безсѣменнаго зачатія.

Адъ есть дѣйствительность, дѣйствительность антропо-демонологическая — безусловно восходящая по ту сторону антропологической этики... Реальность «дѣтей діавола» (Іоан. 8, 44), творящихъ похроти «отца своего» и «ничего» (!) (Іоан. 14, 30) не имѣющихъ во Христѣ, изображена въ Евангеліи образомъ плевеловъ, всѣваемыхъ врагомъ въ пшеницу, невидимыхъ въ періодъ роста всходовъ (исторія культуры), и только послѣ какого то времени замѣчаемыхъ... Все это безмѣрно углубляетъ (и упрощаетъ!) вопросъ, дѣлая его во всякомъ случаѣ непосильнымъ для той методологіи, которой придерживается философія Бердяева, въ этомъ пунктѣ особенно теряющая соль своей эсхатологичности.

*) Несмотря на прекрасныя свои слова: «Суда надъ Богомъ быть не можетъ, ибо Онъ есть источникъ всѣхъ цѣнностей, съ точки зрѣнія которыхъ происходитъ судъ». (стр. 48) Вотъ здѣсь — зарождеііе той сыновней этики, о которой говорили мы.

Христiанинъ - философъ призывающій общество къ послѣдней правдивости, долженъ самъ выдержать испытанiе эсхатологическаго мужества и правдивости, своей любви къ Богу, какъ своего безграничнаго благоговѣйнаго довѣрiя къ данному Слову, Его всецѣло потусторонней справедливости, столь же возвышающейся надъ нашей этической атмосферой, сколь небо надъ нашими крышами.

Иначе, безъ «погубленiя души своей», своего мятущагося разума въ небѣ Евангелiя (радостномъ, свѣтломъ конечно погубленiи сыновнемъ!) трудно почти невозможно выходить на проповѣдь въ мiрѣ подлинно новыхъ, подлинно правдивыхъ словъ христiанской этики.

Христiанство обезсолилось совсѣмъ не только потому, что много лицемѣровъ числится въ немъ, но главнымъ образомъ потому, что обличающiе лицемѣрiе сами не до конца доводятъ ни свое бѣгство изъ ветхаго, уничтожаемаго Богомъ мiра чувствъ и помышленiй, ни свою огненную любовь къ Живому Отцу, ту любовь, которую свелъ на землю Сынъ Человѣческой, и — какъ томился, пока она возгорится (Лук. 12, 49). Священники, учителя, философы христiанства, судъ надъ которыми во много разъ острѣе — не до конца доводятъ свою возможную въ мiрѣ преданность Богу: распинаютъ мiрѣ себѣ, но не распинаютъ себя мiру.

Н. А. Бердяевъ несомнѣнно оказываетъ услугу философiи, что въ ущербъ своей чистотѣ устремленiя къ духу, гносеологически почти не отрывается отъ не-христiанской философской культуры, въ которой благовѣствуетъ христiанской эсхатологизмъ этики. Эта его заслуга, это культурное дерзновенiе, конечно хотѣлось бы видѣть внѣ всѣхъ пробѣловъ, всѣхъ несвершенiй его «методологiи духа».

Невозможно не испытать этического удовлетворенiя отъ философскаго умерщвленiя не-эсхатологической этики Канта, къ сожалѣнiю умерщвленной не до конца.

Безотносительное «творчество» уже оправдываетъ книгу тѣмъ, что она написана... Творчество же Духа Истины ее оправдываетъ тѣмъ, что она предполагаетъ свое развитiе (и — если надо — свое уничтоженiе).

Самое цѣнное въ книгѣ Бердяева — этическая печаль о несовершенствѣ добра и добрыхъ. Это ощущенiе безмѣрныхъ совершенствъ Отца Небеснаго и подчиненiе Его заповѣди о прiятии этихъ совершенствъ, какъ «нормы» этического закона.

Не христiанскiе философы «ищутъ». Христiанскiе — «доискиваются». Философiя Бердяева есть эта цѣнная христiанская доискивающаяся философiя... Могущая доискаться до самоотрицанiя, во имя высоты своихъ исканiй.

«Человѣкъ есть существо недовольное самимъ собою, способное себя переростать» стр. 51), говоритъ Бердяевъ.

Если до этого послѣдняго, дѣйствительно, можетъ доискаться свобода ветхаго человѣка, то это — признакъ ея вѣры въ правдивость словъ: «собою же не похваляюсь, развѣ только немощами моими»... словъ перваго философа свободного духа — болѣе святого, чѣмъ творца.

Іеромонахъ Іоаннъ
(Шажовской)

Сергіево Подворье.